

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

ЕЛЕНА ГАБОВА

Затмение Сердца

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г12

Рисунок на обложке
Д. Лапшиной

Габова Елена.
Г12 Затмение сердца : [повесть] / Елена Габова ; худож. Д. Лапшина. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 190, [2] с. — (Мой первый роман).

ISBN 978-5-17-160756-2.

Елена Габова — известная детская писательница, Народный писатель Республики Коми, автор множества книг для детей и подростков.

«Затмение сердца» — повесть о всепоглощающей влюблённости. Ветка настолько увлечена Захаром, что не замечает ничего вокруг. А рядом с ней замечательный друг Лёва. Умный, красивый, талантливый. Лишь в тот момент, когда их дружба оказалась под угрозой, девочка поняла, кто был поблизости. Но не поздно ли?

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК84(2Рос=Рус)6-44

© Габова Е., 2024
© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Когда на меня смотрит Захар, а я ненакрашенная, мне хочется бежать от него прочь, делать мейкап и возникать перед ним красивой. Поэтому в школе я всегда красотка (ха-ха). А вчера я встретила Захара на пляже. Кто же красится, когда идёт купаться? И хотя мне нравится встречаться с Захаром, сейчас я постаралась, чтобы он меня не заметил. Пробежала бочком. А ещё — и это самое главное, понимаете, да? — он был не один. Рядом с ним шла длинноногая девица в жёлтом купальнике. Когда они прошли, я оглянулась и проводила её недобрый взглядом. Кто такая? Почему с Захаром? Вернее — почему он с ней? А потом меня окликнула Аня Водонаева из 10 «Б».

— Ветка, приветка! — это она так поздоровалась. — Как дела?

— Привет. Да нормально.

Проще сказать, что всё нормально, чем объяснять, почему так плохо. А мне стало плохо после встречи с Захаром. От этой его жёлтокупальниковой девицы. Что-то раньше я её в нашем городе не встречала. Может, какая-нибудь «звезда»? Модель? Где это её Захар отхватил?

Я смогла пролежать на песке не больше получаса. Даже в воду не полезла, хотя жара стояла прямо-таки июльская — и это в конце августа. На площади Макарова даже не было ни одного скейтбордиста — все от жары попрятались в тень и на речку. Захар этой длинноногой в жёлтом купальнике меня просто убил. Я напялила шорты, топ и вяло побрела на автобус.

Зазвонил телефон. Захар? Прошло часа три после пляжа. И солнце исчезло. Захар уже вполне мог быть дома. Схватила трубку. Голос заставил поморщиться... Вовсе даже не Захар, а снова гусь из редакции «Юность города».

Я ему стихи посылала месяц назад и материал о молодёжном клубе.

— Да, слушаю...

— Виолетта?

— Да, да, это я! — ох, как мне хотелось бросить трубку. Я знала, что он скажет! Я уже слышала его ответы. Лучше бы не звонил!

— Виолетта, я прочёл ваш материал. Он заслуживает внимания, но...

— Я ничего переделывать не буду, — сказала я жёстко. Он меня достал, корреспондент этот. Надоело. Одно и то же, одно и то же. Уже целый год: заслуживает внимания, но... Стихи хорошие, но... И никогда ничего не печатает. Ни-ко-гда! Да он никогда больше ничего от меня не получит. Ни-ко-гда!

— ...Слушайте. Я вас ненавижу, — сказала раздельно, почти по слогам. Я прямо отчеканила это: **НЕНАВИЖУ**. — Я никогда ничего вам больше не дам! Я видеть вас не могу, слышать вас не могу! Не звоните сюда больше! Поняли?

И бросила трубку.

Вот. Теперь я счастлива. Я права. Надоели. Мои стихи гениальные, слышите? Вы просто ничего не понимаете

в поэзии в этой вашей редакции вшивой. Ха-ха, *они* делают мне замечания! *Они* не желают видеть, как написан мой материал, а он написан классно! Классно, понимаете, да?!

Я подошла к зеркалу. Я смотрела на себя и видела там злую улыбку и расширенные зрачки. У меня даже, кажется, раздувались ноздри. Как у лошади. Ух ты, как я его! Так и надо. Я себя уважала. Да. Так и надо с ними обращаться! Только так.

Сердце билось как сумасшедшее. Как будто бы я перенесла тонну кирпичей на десятый этаж.

Наплевать. Скоро зима. Светлая, спокойная зима ожидает нас всех. Всё сумасшествие сойдёт, всё изменится к лучшему. Сейчас каждый день выжимает столько энергии, столько силы. Не могу больше. Вчера поссорилась с мамой. Она купила мне туфли и старушечью юбку — в школе носить, а я сказала, что они мне не нужны, я буду ходить в школу в джинсах и кроссовках. Ох, как мы поругались! Кричали обе, как на базаре! Две базарные тётки!

Послезавтра первое сентября. Сочувствую себе. Печальная это дата — первое сентября. Хотя кому как, конечно. У нас в классе есть типы, которые первого сентября мчатся в школу на крыльях счастья. Словно не дяди и тётки, а какие-то сопливые первоклашки, верящие в светлое будущее.

На днях на нашу лестничную площадку переехал парень. Вся семья, конечно, переехала вместе с ним. Ёлки! У него такие глаза! Такие го-лу-бы-е! Я прямо остолбенела, когда увидела. Под цвет его джинсов прямо. Я поднималась, а он спускался по лестнице. Лифт как раз на профилактическом ремонте был. Парень прошёл мимо, не поздоровавшись. Ну, правильно, мы ведь не знакомы. Но я знала — он постоянный жилец, не гость, они вещи из машин перетаскивали целых три дня. И не поздоровался. Вот те на! В этом случае здороваться надо. Тем более, с девушкой. Не мне же первой здороваться с ним. Видно, воображала или некультурный совсем. Я даже расстроилась. Через час вышла на балкон, а там тоже он — видом любится. Он на

своём балконе, разумеется, но они рядом. И ни словечка не выронил. Пришлось мне ему самой «привет» говорить. Истуканами, что ли, стоять рядом друг с другом? Смешно же.

— Привет, — ответил он.

— Меня Виолетта звать, а тебя?

— Лев, — бросил он и зашёл в комнату. Спрятался.

Не захотел разговаривать даже. «Лев». Кошка он задрипанная, вот кто. Львы разве такими бывают?

Вообще-то чего я к новому соседу привязалась? Что мне от него надо? От парней мне нужна только любовь. Не дружба, нет. Я и от девушек дружбы не жду. От них мне нужно только поклонение. В классе все девчонки меня воображалой считают. Высокомерной, точнее.

Ну и пусть. Не хотят поклоняться — не надо, только пусть оставят меня в покое. Все.

Этот Лев-кошка, наверное, в нашу школу придёт. Класс в десятый или одиннадцатый. А вдруг к нам? Я бы у него спросила, но он же не хочет разговаривать. Он же гордый. Мог бы

вообще к нам не переезжать, его не звал никто вообще-то.

Листья с дуба летят. Он напротив меня, только выше, выше, до десятого этажа, правда. Дуб-ветеран. Наверное, ещё печенегов видел. Листья не летят, а падают: бух, бух. У дуба листья тяжёлые — медь, куда они полетят-то, бедолаги? Только вниз, на землю, на корм свиньям. Если бы они тут были, конечно. Медь. Жесть. Жесть, всё жесть.

Цоя включила.

Когда его слушаю, всё внутри замирает, а последние его видеозаписи! Жуть! Как будто он знал, что погибнет. Этот падающий глухой голос, тяжёлый, совершенный...

Медь. Жесть.

Говорят, что юность — это прекрасное радостное время. Смотришь, мол, на мир сквозь розовые очки. Видишь хорошее, не замечаешь плохое. Ха! Видно, это кто-то в старости сказал, по забывчивости. Как бы не так — прекрасное, радостное. Оно у меня радостное бывает? Целое лето Захара не видела — вот радость. Только думала о

нём — днём, ночью. И никакой метлой его нельзя было из башки вымести. Придумали бы такую программу на компе: «Плохие мысли — вон!» Пусть бы Касперский над этим голову поломал. Он же умный. Ему бы сразу Нобелевскую вручили. Не замечаешь плохое. Два раза: «Ха!» Тогда бы я эту девицу рядом с Захаром и не заметила бы вовсе. И розовые очки — это мура. Иногда ржёшь как жеребёнок, не зная отчего — это бывает. Так что «розовые очки» надо заменить «телячьим восторгом». То, что юность — лёгкое и беспечное время, это вообще жуткая ложь. Юность — самый трудный период в жизни. Осмысливаешь своё «я». Комплексуешь буквально по всякому поводу, не только я, каждый подросток. Начнём с внешности. Кто сам для себя красивый? Нет таких, все себя за уродов держат. И неумные все, я так первая дура. Не умею ни с кем общаться. У меня вообще сплошные «не». НЕ умею, НЕ могу, НЕ красивая, НЕ умная... И ещё — и это самое главное: ощущаешь свою полнейшую НЕнужность в этом мире. Раз ничего не умеешь,

значит никому и не нужен, ни людям, ни государству (ха-ха, громкое слово). Совсем один, родители сами по себе, и давно. К тому же растёшь как бешеный, сам из себя выпираешь, боишься себя. Своего тела боишься: всё ли у тебя нормально растёт?

Я снова покосилась на телефон. А чего я сижу возле него, как кошка у мышинной норки? Почему я жду, что Захар позвонит? Он, что, мне когда-то звонит? А я сама, что, не могу с ним связаться?

Я набрала знакомый номер.

— Алло, Захар, это ты?

— Да.

— Что ты делаешь?

— А чё?

— Просто. За что ты меня ненавидишь, Захар?

— Кто тебе так сказал?

— Ты меня ненавидишь?

— Нет.

— Любишь?

— Нет.

— А что?

— Ничё.

— Все вы меня ненавидите.

- С чего ты взяла?
- Вы меня ненавидите?
- Нет.
- Любите?
- Нет.
- А что?
- Ничё.

Я положила трубку. И совсем забыла, что позвонила затем, чтобы узнать с кем он был на пляже. Жуть и мура просто.

Одно хорошо: этим летом я наконец-то перестала бояться быть самой собой. Раньше заставляла себя говорить о пустяках, всяких тряпках, побрякушках с девчонками, заставляла себя с ними общаться, шла против своей природы. А теперь — со всеми молчу. Не буду больше с ними трепаться. Они сами по себе — я сама по себе. Пусть думают обо мне, что хотят.

ЗАТМЕНИЕ СЕРДЦА

Солнце пустилось в путь на ночлег. Скатываясь с дневного холма, укрылось лёгким облачком-парео. А краснющее-то! Похоже, сегодня оно на пляже перестаралось. Кефирчиком его помазать. Поднялся ветер, зашуршала листва

на дубе. Шумящая листва меня всегда успокаивает. Хлопнула входная дверь — мать с работы пришла. Вечер.

Я снова выбралась на балкон. Листья вызвали меня как будто по скайпу¹ шелестящим вызовом-звонком. Приветик, дуб! Ну, что скажешь?

Дуб не напрасно меня вызвал: на своём балконе стоял и потягивался новый жилец. В шортах, с голым торсом. Он ко мне повернулся. А глаза! Го-лу-бы-е — как кусочек неба в тёмных дождевых тучах. Смотрит на город с высоты восьмого этажа — куда его с родителями занесло? Что за район? Деревня или всё-таки город?

Увидел меня и улыбнулся.

— Привет!

Надо же, поздоровался!

— Привет, — ответила я, сильно обрадовавшись. — Мы с тобой сегодня уже здоровались.

— А, точно. Ну ничего.

— Ты в нашу школу завтра пойдёшь, да?

¹ Sky — небо *анг.* (Здесь и далее прим. автора).

